

социальные движения, могут вызвать заметно осязаемый переворот во мнениях». Поэтому «создание общественного мнения» производится разнородными субъектами: «Институты, проводящие опросы, непрерывно наблюдают за установками пассивной и анонимной массовой публики и регистрируют их. Интеллектуалы, работающие в массмедиа, создают дискурс элиты, подпитывающийся трудами различных акторов. Эти акторы, которые конкурируют между собой за доступ к передающим устройствам и хотели бы оказывать по возможности большое влияние на содержание программ, вступают на форум публичности как бы с трех сторон: политики и политические партии приходят из ядра политической системы; союзы и лоббисты представляют интересы общественных функциональных систем; борники всеобщих интересов, церкви, интеллектуалы, неправительственные организации имеют корни в гражданском обществе. Все эти акторы, наряду с «журналистами», причастны к созданию общественных мнений <...> В конечном счете они формируются благодаря интуитивному преодолению

воспринимаемых различий между опубликованными мнениями, в значительной мере определяемыми качественной прессой, с одной стороны, и распределениями мнений, полученными в репрезентативных опросах и отраженными в данных опросах, — с другой. Поэтому они представляют собой трудно рассчитываемые равнодействующие между усилениями формирующих мнения элит и более или менее осознанными реакциями широкой и разнообразной массовой публики»²⁰.

Таким образом, формирование политического курса сегодня — это деятельность элиты и референтной группы по формированию (селекции) списка политических проблем, политической повестки дня, политического концепта как образа желаемого положения дел с помощью власти номинации, категоризации и классификации социальных явлений и процессов и превращения их в политические. Отсюда единственной функцией гражданского общества сегодня остается легитимация политического курса. Проблема легитимации как важнейшей функции гражданского общества — тема для отдельной статьи.

²⁰ Хабермас Ю. Имеет ли демократия еще и эпистемическое измерение? С. 136–138. В этой же работе Ю. Хабермас фиксирует две «патологии политической коммуникации» — отсутствие независимости медиасистем и обратной связи между гражданским обществом и медиакоммуникацией, в результате чего происходит манипуляция общественным мнением, а граждане из активных участников политического процесса превращаются в потребителей медиапродукта. См.: там же. С. 145–153.

КОНЦЕПЦИИ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА ЗАПАДНЫХ ОБЩЕСТВОВЕДОВ XX ВЕКА *

Туманова Анастасия Сергеевна,
профессор кафедры теории права и сравнительного правоведения,
ведущий научный сотрудник
Центра исследований гражданского общества и некоммерческого сектора
НИУ «Высшая школа экономики»,
доктор юридических и исторических наук, профессор
119017, г. Москва, ул. Малая Ордынка, д. 17
anastasiya.13@mail.ru

В статье анализируются теории гражданского общества, публичной сферы, гражданской самоорганизации, созданные ведущими западными обществоведами в XX веке и представляющие интерес для российских обществоведов. Автором прослеживается взаимосвязь между теориями ассоциаций и гражданского общества и теориями демократии, характеризуются модели взаимоотношений между гражданским обществом и государством.

Ключевые слова: гражданское общество, права человека, гражданская самоорганизация, публичная сфера, демократия.

* В статье использованы результаты, полученные в ходе работы над проектом «Российский третий сектор в условиях повышения общественной активности» Фонда фундаментальных исследований НИУ «Высшая школа экономики» в 2013 г., а также результаты работы в рамках проекта «Институционализация прав человека в условиях модернизации государства и правовой системы России в начале XX века», выполненного в рамках программы «Научный фонд НИУ-ВШЭ» в 2013 г., грант № 13-05-0010.

Tumanova A.S. Concepts of the Civil Society of Western Sociologists of the 20-th Century

The author analyzes theories of civil society, public sphere, civil self-organizing, created by the leading western sociologists in the 20-th century and being the subject of interest for the Russian sociologists. The interrelation between the theories of associations and of the civil society and the theories of democracy, the models of interrelations between the civic society and the state are characterized by the author.

Key words: *civil society, human rights, civil self-organizing, public sphere, democracy.*

В современном российском обществоведении существуют разноречивые воззрения на гражданское общество. Одни исследователи подразумевают под ним индустриальное общество, достигшее определенного уровня социально-экономического и культурного развития (рыночная экономика, демократия, признание и соблюдение прав человека и т.д.). Другие рассматривают гражданское общество как часть социума, сферу между индивидом и государством, противостоящую государству. Вторая трактовка имеет большее число приверженцев. Они либо отождествляют гражданское общество с негосударственной сферой политической жизни, либо трактуют его как частную, независимую и от государства, и от политических структур неполитическую сферу социума, в которой происходит институционализация частных лиц посредством их ассоциаций. Обращение к западной традиции изучения гражданского общества представляет существенный интерес.

Введение категории гражданского общества в научный оборот датировалось эпохой Просвещения конца XVII – XVIII вв. Между тем у истоков современных представлений о гражданском обществе стоит французский государственный деятель, социолог и историк первой половины XIX столетия Алексис де Токвиль, попытка которого умерить крайности современных ему теорий представляется плодотворной. По существу, таких ключевых теорий развития гражданского общества во времена Токвиля было две. Одна из них — модель «всеобщего государства» Г. Гегеля, согласно которой государству предписывалось тотальное вмешательство в дела гражданского общества с целью разрешения свойственных последнему конфликтов и противоречий. Другая теория — модель минимального государства Т. Пейна, ограничивающая роль государства минимальным участием в управлении обществом и признающая право гражданского общества на саморегуляцию.

А. де Токвиль выступал противником монополизации власти как государством, так и гражданским обществом. Наибольшая опасность, по его мнению, исходила от государства, способного монополизировать власть и переродиться в деспотию. В качестве механизмов сдерживания государственного деспотизма Токвиль предлагал реализацию принципа разделения властей в политической сфере и развитие гражданских ассоциаций в публичной сфере (научных, литературных, просветительских, религиозных и др.). Именно ассоциации образовывали, по его мнению, непреодолимые барьеры на пути деспотизма и осуществляли контроль над государством.

Работа Токвиля «Демократия в Америке» стала одним из первых крупных исследований, постулировавших, что стержневым институтом гражданского общества следует признать гражданские ассоциации, способные разрешать проблемы, с которыми не в силах справиться государственные институты. По мере того, как «свободная сфера общественной жизни» наполнялась ассоциациями — объединениями вне сферы государственной власти, государство стало, согласно Токвилю, диссоциироваться от целой серии функций, которые оно выполняло, а обществу надлежало, напротив, ассоциироваться¹.

Токвиль является не только теоретиком гражданского общества, но и теоретиком демократии. Высказанное им утверждение, что жизнеспособность демократии основывается на отлаженной жизни граждан в добровольных ассоциациях, стало краеугольным камнем современной теории демократии. Теоретики демократии соглашались с тем, что ассоциации различных видов (общества развлечений, спорта, взаимопомощи, религиозные и другие) создают демократию, культивируя гражданственность, порождая публичное обсуждение, обеспечивая голос и представительство и создавая различные формы самоуправления.

В XX веке в развитие теории гражданского общества принципиальный вклад внес немецкий философ и социолог, видный представитель Франкфуртской школы Ю. Хабермас. Он понимает гражданское общество как общественную сферу, расположенную между личностью и государством, где осуществляется их коммуникация. В начале 1960-х годов Хабермас выдвинул понятие, ставшее вскоре ключевым для социальной теории и объяснительных моделей формирования гражданского общества — понятие публичности (общественности).

Понятие общественности было введено в научный оборот в докторской диссертации Ю. Хабермаса «Структурная трансформация публичной сферы», вышедшей в 1962 г. В ней Хабермас рассмотрел развитие политико-философских идей и институтов общественности в буржуазную эпоху (XVIII–XIX вв.) и выделил несколько ключевых форм, в которых получило выражение становление общественности. Она формировалась первоначально в дополнительном пространстве, а именно — в кофейнях, читательских и дискуссионных кружках, клубах, где свободно обсуждались различные «общественные» вопросы (литературные, научные, художественные). Распространение газет и журналов привело, по мнению Хабермаса, к политизации общественности, к появлению у нее претензии на участие в политической жизни и государственном управлении. Выход

¹ Токвиль А. Демократия в Америке. М., 1992. С. 381.

политически активной общественности на арену истории произошел в Англии на рубеже XVII–XVIII вв. и был связан с созданием представительного органа власти. Участвуя в деятельности парламента, общественные группы стремились к примирению своих интересов и к достижению консенсуса в политике. Первоначально это были представители буржуазии, поэтому общественная сфера являлась сферой преимущественно буржуазной. Буржуазной эпохе принадлежит и возникновение философско-политической идеи общественности, дополняющей существующие институты и позволяющей говорить о складывании общественности или публичной сферы, в рамках которой было возможно свободное обсуждение насущных вопросов, касавшихся общества в целом. Политическую жизнь общественность трактует на основании категории закона, который, в свою очередь, получает в общественном мнении признание в качестве закона общего и разумного. Таким образом, на смену цементирувавшему ранее социум естественному закону господства приходит господство правового закона, также являющегося признаком формирования общественности².

Ю. Хабермас выделил субъекты публичной сферы гражданского общества. Это кофейни и клубы, газеты и журналы, представительные органы власти. Буржуазная публичная сфера возникала, по Хабермасу, в тесной связи с появлением общества, отделенного от государства. Гражданское общество, в свою очередь, трактуется Хабермасом как сфера частной автономии, создаваемой частным законом и либеральным рынком. Институциональным ядром гражданского общества Хабермас признает добровольные ассоциации, находящиеся вне государства и экономики, которые дают гражданам возможность управлять самостоятельно и действовать в противовес власти, основанной на традиции, силе и ритуале³.

Перспективы развития публичной сферы в XX столетии Хабермас оценивает негативно. Для него характерна идеализация институтов Нового времени, создававших, по его мнению, условия для реализации политико-философской идеи общественности. Между тем XX век, характеризовавшийся коммерциализацией и расширением сферы профессиональной и партийной политики, способен был создать, по мнению Хабермаса, лишь дегенеративную форму общественности.

В более поздних работах Хабермаса пессимистический взгляд на перспективы гражданской самоорганизации был частично преодолен. Так, например, в вышедшем в 2007 г. политическом сочинении «К разуму публичной сферы» Хабермас характеризует кризис традиционных масс-медиа (газет, телевидения) в Германии, все более зависимых от прибыли, рекламы, меняющихся читательских пристрастий и все менее свободных в выражении мнений и

самостоятельном освещении действительности. При этом мыслитель указывает, что масс-медиа должны удовлетворять не только легко коммерциализуемую потребность людей в развлечении, они должны обеспечить своим потребителям возможность участвовать в культурной жизни, наблюдать за политическим процессом и быть причастными к формированию политических взглядов. Хабермас рассматривает роль прессы в развитии публичной сферы и в формировании общественного мнения, а также в достоверности информации. Он характеризует также роль публичной сферы в современном государстве, которая «вносит свой вклад в демократическую легитимацию государственных действий», участвует в отборе предметов, адекватных для принятия политических решений, их последующей разработке и связывании воедино с целью формирования конкурирующих общественных мнений⁴.

Воззрения на публичную сферу гражданского общества Ю. Хабермаса получили развитие в работе американского политолога Джин Л. Коэн и социолога Эндрю Арато «Гражданское общество и политическая теория». Под «гражданским обществом» Коэн и Арато понимают сферу социального взаимодействия, расположенную между экономикой и государством, состоящую из семьи, объединений (в частности добровольных), социальных движений и различных форм публичной коммуникации. Неотождествляя гражданское общество с социальной жизнью в целом, Коэн и Арато противопоставляют его «политическому сообществу», т.е. партиям и парламенту, а также «экономическому сообществу», т.е. организациям производства и сбыта. В соответствии с этим основой гражданского общества выступают добровольные ассоциации неполитического плана. Гражданское общество видится ученым как «создание ассоциаций и жизнь в ассоциациях», сопряженная с самосозиданием, самомотивацией и институционализацией как неотъемлемыми условиями воспроизводства гражданского общества⁵.

Важное в контексте нашего исследования определение гражданского общества и добровольных ассоциаций дает американский политолог Марк Уоррен. Книга Уоррена, вышедшая в свет в 2000 г. в издательстве Принстонского университета, представляет собой одну из первых попыток системного рассмотрения проблемы вклада ассоциаций в развитие демократии. Уоррен рассматривает различные группы ассоциаций под определенным углом зрения: в какой степени они способны к формированию гражданина, к пробуждению политических дебатов, к созданию публичных институтов и к стимулированию рыночной активности. При этом Уоррен видит и потенциальные недостатки, порожденные феноменом добровольной ассоциации. Он указывает, что достижимая в рамках организации солидарность может притупить инакомыслие

² Habermas J. The Structural Transformation of the Public Sphere. An Inquiry into a Category of Bourgeois Society. Cambridge, 1989. P. 27–73.

³ Habermas J. Op. cit. P. 27–31, 73, 127.

⁴ Хабермас Ю. К разуму публичной сферы // Ах, Европа. Небольшие политические сочинения. М., 2012. С. 105–110.

⁵ Коэн Дж., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория. М., 2003. С. 7–9.

и дискусионность, усиливая при этом публичное обсуждение тех или иных вопросов за пределами ассоциаций.

Ставя своей задачей создание концепции ассоциации, Уоррен полагает, что последняя поможет ему сформулировать концепцию гражданского общества в целом. Гражданское общество он определяет как сферу социальной организации, внутри которой преобладают взаимоотношения между добровольными ассоциациями. Это определение позволяет исключить из определения гражданского общества взаимоотношения между друзьями или семьями, поскольку эти отношения являются не гражданскими, но приватными (частными). Кроме того, данное определение позволяет показать, что отношения внутри гражданского общества носят неполитический характер, они направлены на достижение общественно полезных целей. В-третьих, это определение подчеркивает, что перед нами сфера, в которой доминируют добровольные социальные качества ассоциативных принадлежностей (в отличие от принадлежности к государству или к рынку). В-четвертых, трактуя гражданское общество как состоящее из ассоциаций, построенных на ассоциативных отношениях, Уоррен признает наиболее интересной для социальной и политической теорий проблему взаимоотношений, возникающих между «чистыми» ассоциациями, государством и рынком⁶.

Роль гражданского общества в демократизации социума и в создании партисипаторной (непосредственной) демократии характеризует профессор Джорджтаунского университета Марк М. Ховард. Он полагает, что чем больше люди участвуют в организациях гражданского общества, тем «успешнее они осваивают нормы, ценности и навыки партисипаторной демократии, которые могут укрепить институты и способствовать функционированию демократического правительства». В условиях демократического политического режима организации гражданского общества, по мнению Ховарда, могут «удержать государство от принятия законов, которые противоречили бы организованным интересам граждан». Общественные институты имеют позитивное влияние на принятие законов, а также на самих законодателей, информируя их о настроениях в обществе. Организации гражданского общества выполняют защитную функцию в двух случаях: когда они служат защитой граждан от потенциально угрожающего им государства, а также когда они являются информаторами власти и оказывают на нее «давление снизу»⁷.

Гражданское общество М. Ховард определяет как важнейшую часть общественного сектора, занимающего место между государством и семьей, воплощенного в различных добровольных организациях граждан. Это организации по защите мира и гражданских прав, экологические группы, спортивные и рекреационные клубы, женские, ветеранские, молодежные, инвалидные общества, организации

пожилых людей, защиты животных, группы самопомощи и др. Будучи сторонником институционального подхода к гражданскому обществу, Ховард уделяет ему большое внимание. Он определяет институты как задающие внешние рамки развития и как формальные организации, влияющие на человеческое поведение в этих рамках силой власти и авторитета. Ховард прогнозирует, что только институты и их реформирование могут обеспечить длительные изменения в развитии гражданской самоорганизации. При этом формулируются требования к институтам, которые должны, во-первых, быть эффективными, уважаемыми и обязательными; во-вторых, актуальными, соответствовать общественным потребностям, традициям или культуре общества; а в-третьих, требуется время (иногда десятилетия и поколения), чтобы новые институты утвердились и доказали свою эффективность⁸. При видимой пессимистичности данного прогноза для российского общества, только пару десятилетий назад начавшего очередной переход от авторитарных к демократическим институтам, его справедливость и очевидность не вызывают сомнений и объясняют многое в постсоветском опыте гражданской самоорганизации.

Тенденции в развитии современных организаций характеризует видный социальный теоретик общества, социолог Энтони Гидденс. Оппонируя авторам, полагающим, что в современных обществах существенное значение имеют преимущественно первичные группы и бюрократические организации, Гидденс противопоставляет им добровольные объединения — благотворительные организации и общества взаимопомощи. Как на позитивную тенденцию развития гражданской самоорганизации он указывает на рост числа и разнообразия обществ взаимопомощи (ассоциации домовладельцев, реабилитации наркоманов, анонимных алкоголиков и др.), на неиерархичность их строения (непостоянное членство, отсутствие фиксированных видов дохода, членские взносы и пожертвования как источники денежных средств и др.), на участие их членов в совместной деятельности и в разработке проектов, на связанность их общими моральными принципами. В то же время Гидденс указывает и на негативный аспект развития гражданской самоорганизации, когда отдельные организации, вырастая в размерах, имеют тенденцию к бюрократизации. В развитии добровольных объединений Гидденс видит тенденцию к устойчивому сдвигу в сторону более гибких форм организации, заменяющих большие обезличенные организации XX в. Однако, прогнозируя развитие общественности, Гидденс предрекает постоянную борьбу между стремлением организаций к росту, усилению иерархии и обезличенности, с одной стороны, и противоположными им тенденциями, с другой⁹.

Шведский социолог Т. Янссон в своей работе «Треугольная драма» облекает взаимоотношения государства и гражданского общества в форму

⁶ Warren M. Democracy and Association. Princeton Univ. Press, 2001. P. 56–58.

⁷ Ховард М.М. Слабость гражданского общества в посткоммунистической Европе. М., 2009. С. 61.

⁸ Ховард М.М. Указ. соч. С. 11, 33–34, 53.

⁹ Гидденс Э. Социология. М., 1999. С. 284–285, 287.

«драматического треугольника». Государство находится наверху, а внизу, с одной стороны — местное самоуправление, муниципалитеты, относящиеся к общественной сфере и к государству; с другой стороны, также внизу — добровольные объединения, размещенные в частной, свободной сфере. В одних обществах наибольшее распространение получил коммуналистский тип общества (с акцентом на местное самоуправление), а в других общество стало «ассоциативным». Если правящая политическая элита сознательно проводит курс на поддержание общественной самодеятельности граждан, минимизируя вмешательство государства в дела гражданского общества, а элиты последнего уважительно относятся к государственным структурам, то, по словам Янссона, создаются необходимые предпосылки для установления союзнического типа отношений между этими социальными контрагентами¹⁰. Так, в Америке добровольные организации становились общенациональными и спланировали народ, тогда как в России крайне сложно было заставить государство действовать по принципу самоограничения и поощрения самоорганизации граждан, поскольку для этой страны характерен патерналистский тип государственно-общественных связей.

Модели взаимоотношений между гражданским обществом и государством получили рассмотрение в новейшей работе польского социолога, основателя Института политических исследований в Польской Академии наук Эдмунда Внук-Липиньского. В отличие от Янссона, Внук-Липиньский фокусирует свое внимание на взаимодействиях, возникающих преимущественно между государством и гражданским обществом. Будучи создателем нового раздела в социологии — «социологии публичной жизни», Внук-Липиньский в одноименной работе выделяет три разновидности взаимоотношений между государством и гражданским обществом: 1) гражданское общество как противопоставление государству; 2) гражданское общество как дополнение государства; 3) государство как дополнение гражданского общества. По словам Внук-Липиньского, для государств, осуществляющих переход от авторитаризма к демократии, характерен первый (антагонистический) тип взаимоотношений, однако у него «довольно короткая жизнь, ибо он характерен для конечной стадии существования клонящейся к упадку авторитарной системы и для начальной стадии возникновения демократического государства». Этот тип явно обнаруживается в процессе демократизации общества, он был характерен для стран Центральной и Восточной Европы. Второй тип взаимоотношений наиболее характерен для республиканских, а иногда и для коммунитарных теоретических или идеологических подходов, где акцентируется польза для реализации общего блага, вытекающая из самоограничения гражданского общества теми областями коллективной жизни, в которых государство

наименее компетентно или наименее эффективно. Третий тип взаимоотношений — близкий к либеральной теории — формулируется с опорой на принцип минимального государства, с одной стороны, и на принцип подсобной, вспомогательной роли государства (государство необходимо исключительно в тех сферах коллективной жизни, где самоорганизующееся гражданское общество менее эффективно либо менее компетентно), с другой. Если в рамках первой модели взаимоотношения между государством и гражданским обществом являются антагонистическими, то в остальных двух случаях это неантагонистические отношения, опирающиеся на сотрудничество, взаимное дополнение и относительно гармоничное сосуществование¹¹.

Описывая институциональные условия и предпосылки для развития гражданского общества, Внук-Липиньский называет следующие: 1) наличие публичного пространства, допускающего свободную институционализацию общественных сил; 2) наличие общественной (публичной) коммуникации, не подконтрольной государству; 3) наличие рынка, в рамках которого осуществляются различного рода взаимодействия по обмену ценностями и услугами, а также защита частной собственности. В случае отсутствия первого фактора, когда публичное пространство недоступно для свободной институционализации общественных сил, но полностью подконтрольно недемократическому государству, появление автономных от государства организаций и объединений, составляющих институциональный контекст гражданского общества, становится невозможным. В таком случае публичное пространство наполняется квазигражданскими организациями и объединениями, контролируемые государством и (или) призываемыми им к жизни, а также формируются разнообразные неформальные диссидентские группировки, функционирующие вне публичного пространства¹².

Определяя гражданское общество, Э. Внук-Липиньский характеризует его как совокупность негосударственных институтов, организаций и гражданских объединений, действующих в публичной сфере. Структуры гражданского общества отличаются от других структур и институтов относительной автономией по отношению к государству, созданием «снизу» и добровольным участием в них членов. С точки зрения межсекторного взаимодействия, гражданское общество, по словам Внук-Липиньского, занимает социальное пространство, располагающееся между уровнем государства и домашних хозяйств¹³.

Поставленная Внук-Липиньским проблема условий для развития гражданского общества, а также качества и уровня его развития была исследована в работе немецкого теоретика Йенса Зигерта. Глава московского отделения Фонда имени Генриха Белля, политолог Й. Зигерт предлагает

¹⁰ Янссон Т. Треугольная драма: взаимоотношения между государством, местным самоуправлением и добровольными ассоциациями // Гражданское общество на европейском Севере. СПб., 1996. С. 6.

¹¹ Внук-Липиньский Э. Социология публичной жизни. М., 2012. С. 191–192.

¹² Внук-Липиньский Э. Указ. соч. С. 192–193.

¹³ Внук-Липиньский Э. Указ. соч. С. 188, 193.

классифицировать различные государства не по числу действующих в них неформальных организаций, а по уровню распространения гражданских институтов. В качестве шкалы, на основании которой мы можем судить о реальном уровне гражданского развития того или иного общества, Зигерт предлагает взять уровень укорененности и действенности гражданских ценностей и норм в государственном управлении, экономике, армии и др. Наличие гражданского общества предполагает, по его мнению, особое качество социальных взаимодействий, преобладание гражданского образа действий и демократических убеждений у его членов¹⁴.

Ценностная трактовка характерна и для подхода к гражданскому обществу американского профессора социологии Джеффри Александера. Его работе «Гражданская сфера» следует уделить внимание, поскольку она признана политическими теоретиками наиболее глубоким исследованием гражданского общества в Америке со времен А. Токвиля. Александер пытается соединить два противоположных подхода, на которых традиционно строились теории гражданского общества, — индивидуализм и коллективизм. Гражданское общество предстает в его интерпретации как «форма социальной и культурной организации, уходящей корнями одновременно и в радикальный индивидуализм, и в бескомпромиссный коллективизм», как сфера солидарности индивидов и их ассоциаций, которую поддерживают общественное мнение, культурные коды, СМИ, организации и ассоциации, а также специфические практики гражданственности, критики и взаимного уважения. Александер характеризует существующую в обществе бинарную структуру мотивов (гражданских и негражданских), взаимоотношений и институтов, которые тесно взаимосвязаны в каждом конкретном обществе и регулируются определенными правилами и законами. Александер констатирует самостоятельность гражданской сферы (гражданского общества), его отличие от государственной и экономической сфер, однако он не признает гражданскую сферу полностью независимой. Его работа завершается предложением «сделать гражданское общество фокусом эмпирической и теоретической мысли»¹⁵.

В среде американских социологов в 2000-е годы приобрела популярность концепция гражданского общества Б. Хайнца, согласно которой центром гражданского общества является публичная дискуссия, имеющая место в связи с переговорами, в ходе которых одна социальная группа становится солидарной с другой группой. Таким образом, в модели Хайнца к описанию гражданского общества вновь

применяется такая категория, как «общественная солидарность». Гражданское общество, согласно Хайнцу, состоит из институтов, корпораций, клубов, судов и средств массовой информации (включая Интернет)¹⁶.

Подводя итог сказанному о теоретических трактовках гражданского общества и гражданской самоорганизации в западной общественной науке, мы должны признать, что данная проблематика является предметом обстоятельного концептуального рассмотрения и вызывает неослабевающий интерес. При этом научные исследования гражданского общества нуждаются в подкреплении своих выводов комплексом эмпирического материала, иллюстрирующего развитие гражданских институтов в тех или иных странах. Приведем в пример вышедшую в 2009 г. в российском издательстве и уже упоминавшуюся выше монографию М. Ховарда, в которой на широкой эмпирической базе характеризуется состояние институтов гражданского общества в посткоммунистической Европе.

Плодотворной нам представляется попытка найти точку соприкосновения между нормативными теориями гражданского общества, предписывающими гражданам, как им думать и что делать, и эмпирическими исследованиями, показывающими, кем они на самом деле являются и что делают. Заслуживает упоминания призыв Коэна-Арато перенести фокус внимания с описательной и/или умозрительной моделей на вопрос реальных взаимоотношений и каналов влияния между гражданским и политическим обществом и между этими обоими и государством, на институциональное строение самого гражданского общества¹⁷.

При всех различиях в охарактеризованных нами интерпретациях гражданского общества их сближает представление о нем как о совокупности институтов — некоммерческих организаций, а также объединяющих их членов ценностей — доверия, согласия, гармонии интересов, открытости и др. Таким образом, институциональным стержнем гражданского общества, его сердцевиной служат объединения, не стремящиеся к извлечению из своей деятельности коммерческой прибыли, а избравшие ее предметом общественно полезные задачи (просвещение и социальное обеспечение, развитие медицины, науки и культуры и др.). Важными характеристиками ассоциаций и создаваемого ими пространства, именуемого публичной сферой, являются добровольность объединения, наличие доверия между членами, приверженность их общей системе ценностей, а также самодеятельности и самоорганизации.

¹⁴ Зигерт Йенс. Гражданское общество в России // Отечественные записки. 2005. № 6 (27). С. 37.

¹⁵ Alexander J.C. The Civil Sphere. New York, 2006. P. 551.

¹⁶ Цит. по: Гросс Андреас. Гражданское общество: история концептуальных подходов к проблеме // Проблемы становления гражданского общества в России: материалы научного семинара. Вып. 1. М., 2003. С. 9.

¹⁷ Коэн Дж., Арато Э. Указ. соч. С. 41.

«ОТКРЫТОЕ ПРАВИТЕЛЬСТВО» В МЕХАНИЗМЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА: ФОРМИРОВАНИЕ ПРАВОВОЙ МОДЕЛИ И ЕЕ ПРОТИВОРЕЧИЯ

Дидикин Антон Борисович,
научный сотрудник, Институт философии и права СО РАН,
кандидат юридических наук (г. Новосибирск)
abdidikin@bk.ru

В статье предпринята попытка анализа современной нормативно-правовой основы формирования системы «Открытое правительство» в России. Рассматриваются основные противоречия формирования новой правовой модели и перспективы реформирования российской системы управления на основе принципа «открытости».

Ключевые слова: открытое правительство, гражданское общество, открытость власти.

Didikin A.B. «Open government» in the mechanism of interaction between the state and civil society: formation of a legal model and its contradictions

The paper attempts to analyze the modern normative legal grounds for formation of the system of «Open government» in Russia. The basic contradictions of the formation of a new legal model and perspectives of reforming of the Russian system of management based on the principle of «openness» are considered.

Key words: Open Government, civil society, openness of power.

В современном государстве одним из направлений повышения эффективности взаимодействия гражданского общества с государством становится обеспечение открытости и прозрачности информации о деятельности государственного аппарата, расширение сферы общественного контроля за принятием публичных властных решений. В этом смысле идея «Большого правительства» («Открытого правительства») в России, сформулированная в дискуссиях Общественного комитета сторонников Д.А. Медведева в 2011 г., постепенно превращается из амбициозного и нереализуемого проекта в новую правовую модель экспертного обеспечения работы структурных подразделений Правительства Российской Федерации, в которой влияние авторитетных экспертов и общественных объединений на проработку нормативных документов и проектов государственных решений существенно расширяется.

Вместе с тем эксперты подчеркивают, что традиционная модель государства, основанная на разделении общества по «вертикали» (на «управляющих» и «управляемых», на государственно-властные и общественные структуры), устарела, и государственный аппарат, построенный по иерархическому принципу, не в состоянии в условиях растущих объемов информации своевременно ее перерабатывать и принимать эффективные решения. Поэтому, как отмечено в преамбуле Отчетного доклада, представленного в апреле 2012 г. Президенту Российской Федерации Д.А. Медведеву рабочей группой по

подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы «Открытое правительство», необходимо переходить к матричным или сетевым структурам построения государства. Более того, в преамбуле доклада делается вывод: без «Открытого правительства», эффективных механизмов передачи информации и принятия правильных решений появится «угроза для развития страны», которая «по своей остроте едва ли не превосходит любые внешние вызовы»¹.

15 октября 2011 г. Президент Российской Федерации Д.А. Медведев на заседании рабочей группы, созданной им же, представил идею «Большого правительства», пояснив, что такое правительство позволит оперативно взаимодействовать с федеральными органами государственной власти, региональными и муниципальными органами. Действующее Правительство Российской Федерации при этом сохранялось, хотя коренным образом менялись его структура и функции. К заседанию рабочей группы 17 апреля 2012 г. был подготовлен Итоговый доклад рабочей группы Президенту Российской Федерации по подготовке предложений по формированию в Российской Федерации системы «Открытое правительство». Оно определялось как *современная и постоянно развивающаяся система управления государством* со следующими целями:

— обеспечить высокий уровень прозрачности исполнительной и других ветвей государственной власти и свободный обмен информацией между государством и обществом;

¹ См.: Итоговый доклад Президенту Российской Федерации Рабочей группы по подготовке предложений по формированию в РФ системы «Открытое правительство». URL: большоеправительство.рф/opengov.